

Никогло Д.Е.,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
сектора «Этнология гагаузов»
Института культурного наследия (Республика Молдова)

**Интерпретация этничности в художественном слове
(к постановке проблемы)**

В статье подвергнуты анализу работы специалистов в области литературоведения и этнологии, посвященные отражению этнических мотивов в художественной литературе. Авторы рассмотренных работ предлагают разные подходы в исследовании данной темы. Ряд исследователей полагает, что использование фольклорных мотивов придает произведениям не только этнографическую и психологическую достоверность, но и раскрывают духовный мир героев. В других исследованиях представлено, каким образом мотивы, которые черпаются писателями из других культур, могут объяснить отношение поэтов к тем или иным историческим событиям в своей стране. Внимание уделяется также изучению этнических стереотипов, восприятию иного этнокультурного пространства, сочетанию анализа литературного текста и произведений живописи. Особый интерес вызывает работа этнолога О. Клишиной, в которой разработаны методологические принципы исследования литературного текста как историко-этнологического источника.

Ключевые слова: художественная литература, этнологи, литературоведы, этничность, художественная литература, этнические мотивы, этнические стереотипы, историко-этнологический источник.

Nicoglo D.E.,
Candidate of History, scientific employee
of the department of Gagauz ethnologists
of the Institute of Cultural Heritage (The Republic of Moldova)

**Interpreting of ethnicity in the artistic word
(to the problem statement)**

This article analyzes the work of specialists in the field of literary criticism and ethnology, devoted to the reflection of ethnic motives in fiction. The authors of the reviewed works propose different approaches to the study of this topic. A number of researchers believe that the use of folk motives gives the works not only ethnographic and psychological authenticity, but also reveals the spiritual world of the heroes. Other studies have shown how the motifs that are drawn by writers from other cultures may explain the attitude of poets to the different historical events in their country. Attention is also paid to the study of ethnic stereotypes, the perception of a different ethno-cultural space, the combination of the analysis of the literary

text and works of painting. Of particular interest is the work of the ethnologist O. Klishina, in which the author presented the methodological principles of the study of a literary text as a historical and ethnological source.

Key words: *fiction, ethnologists, literary scholars, ethnicity, fiction, ethnic motives, ethnic stereotypes, historical and ethnological source.*

В предыдущих своих статьях, опубликованных в номерах журнала, мы рассматривали опыт исследователей (этнологов и литературоведов), изучающих тему отражения этничности в художественной литературе этнических общностей, проживающих в Республике Молдова – русских, украинцев, гагаузов, болгар, евреев и цыган [Никогло, 2020a]; [Никогло, 2020b].

Цель данной работы – представить анализ других публикаций и исследований на эту же тему. Наше внимание будет сосредоточено как на литературоведческих статьях, так и на изысканиях в области этнологии. Одной из задач является выявление различных подходов, используемых авторами при анализе наличия этнической составляющей в художественной литературе.

Изучение этничности в художественной литературе представлено в сборниках материалов конференций, проводимых научным обществом Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Опубликованные статьи по этнической тематике написаны сугубо в литературоведческом ключе. Однако авторы этих работ детально и подробно анализируют, какую функцию выполняют этнические/национальные мотивы в рассматриваемых ими произведениях художественной литературы.

Так, этнический колорит в произведениях М. Ю. Лермонтова является темой статьи Э.С. Хидировой [Хидирова, 2007: 1189-1194]. Автор данной работы анализирует бытование фольклорной песни (песня Бэлы) в повести Лермонтова «Герой нашего времени» и раскрывает ее функции. Вполне возможно, что Э. С. Хидирова при написании статьи руководствовалась идеями Н. Костомарова и А. Ветухова, по мнению которых, в народной песне сосредоточена «душа» народа, что народ предстает в этих песнях таким, каков он есть. Автор статьи обращает также внимание на то, каким образом фольклор оказал большое влияние на формирование концептуальных моделей в сознании самого Лермонтова. По его словам, «Лермонтов выработал сложную систему креативного освоения «инонациональной действительности», определил в ней роль человека и сформировал значимое литературно-художественное эпистемическое пространство» [Хидирова, 2007: 1191] <...> «Инонациональные инстиляции гармоничны в произведении: поэт смог постичь этнодуховность» [Хидирова, 2007: 1194].

Э. Хидирова справедливо отмечает, что песня Бэлы придает произведению русского классика не только этнографическую и психологическую достоверность, но и раскрывает характер главной героини, ее духовный мир, показывает восприятие русским человеком другой культуры, а также душевные переживания других персонажей: равнодушного к другой культуре Максима Максимыча, с уважением

относящегося к традициям горцев, и равнодушного Печорина, неспособного принимать естественную природу «дикарки» (Бэлы) [Хидирова, 2007: 1193-1194].

Любопытное исследование «Испания серебряного века в постреволюционном пространстве» принадлежит слависту М. А. Ариас-Вахиль [Ариас-Вахиль, 2015: 43-48]. В нем на примере произведений поэтов серебряного века – К. Бальмонта, В. Брюсова и Ф. Соллогуба – сквозь призму «испанских мотивов» рассматривается их творческая эволюция [Ариас-Вахиль, 2015: 43]. Автор статьи показывает, как «вечные образы» Дон Кихота и Дон Жуана становятся точками опоры для поэтов уходящей эпохи серебряного века во враждебном постреволюционном пространстве новой большевистской России. Так, в творчестве В. Брюсова «испанские мотивы» раскрывают его отношение к Октябрьской революции. При этом прослеживается обращение поэта-символиста к теме конкистадоров, которые несут крест и меч и новое мировоззрение, пришедшее на смену «дряхлой» Византийской эпохе. Образ конкистадоров-завоевателей дополняет образ воинственного Дон Жуана – завоевателя женских сердец. Мотив завоевания – это не что иное, как завоевание новыми идеями (в данном случае идеями революции) всего мира. В то же самое время В. Брюсов, позитивно воспринявший идеалы революции 1917 г., высмеивает в одном из своих стихотворений косные идеалы рыцарства, которые представляют собой уходящую Византийскую эпоху [Ариас-Вахиль, 2015: 44-45]. Однако позже, в 1922 г., происходит переоценка событий В. Брюсовым Октябрьской революции, которая, кроме новых и положительных идей, принесла много несчастия, попрала и смела самые благородные устремления. Как отмечает автор, в последнем «испанском стихотворении» В. Брюсов обращается к «странствующему рыцарю» Дон Кихоту как к образцу благородства для того, чтобы человечество задумалось над совершающимися событиями. Таким образом, мастер символизма В. Брюсов отразил в метафорической форме образы прошлого и будущего [Ариас-Вахиль, 2015: 45]. Подобное прочтение образа Дон Кихота содержится и в поэзии Ф. Сологуба. Для него Дон Кихот – воплощение общечеловеческих ценностей в противовес «пролетарскому гуманизму» [Ариас-Вахиль, 2015: 46]. М.А. Ариас-Вахиль наглядно показывает, каким образом мотивы, которые черпаются писателями из других культур, могут объяснить отношение поэтов к тем или иным историческим событиям.

В статье И.В. Васильевой и Д.В. Васильева анализируются произведения Н. Н. Казарина о завоевании русского Туркестана [Васильева, Васильев, 2015: 115-119]. Авторы рассматривают стереотипы восприятия жителей Туркестана, которые отражены в ряде произведений Н. Н. Казарина, справедливо указывая на тот факт, что стереотипы восприятия центрально-азиатских окраин Российской империи складывались задолго до завоевания их Россией и остаются актуальными до сих пор [Васильева, Васильев, 2015: 115]. На наш взгляд, важная мысль данного исследования заключается в том, что «Политические, культурные и этнографические мифы создавались фантазией

людей или политической волей правительства ... и не всегда соответствовали реальности, превращаясь в полную противоположность» [Васильева, Васильев, 2015: 115].

Творчество Н. Н. Казарина, по мнению авторов, было направлено на то, чтобы создать у русского читателя представление о благородной миссии прогрессивной России, несущей цивилизацию в эти края, т.е. положить конец «царившим здесь «волчьим нравам» [Васильева, Васильев, 2015: 119].

Восприятие иного этнокультурного пространства рассматривается в статье Н.Ш. Каджаева «Батумские впечатления О. Мандельштама». Авторы указывают на уважительное отношение русского поэта к грузинской культуре и одновременно иронично-негативное отношение к Батуми, объясняя его тем, что этот город стал неким перекрестком между Востоком и Западом. Именно в Батуми на сломе эпох «фильтровались не до конца оформленные надежды русской интеллигенции и принимались решения, в результате которых русская литература сохранила такие имена, как М. Булгаков, О. Мандельштам, С. Есенин и другие» [Каджаева, 2015: 236-239].

Различия традиционных и авторских колыбельных песен представлены в статье В. Бондаренко «Межкультурный диалог поколений на примере колыбельных» [Бондаренко, 2015: 18-22]. По мнению автора, традиционные колыбельные песни предоставляют полную картину мира во всей его сложности: мир предметный, мир социальных отношений, мир духовный, мифологический мир. Кроме того, народные колыбельные обращены непосредственно к младенцу. По текстам авторских колыбельных песен невозможно понять и восстановить строение реального, отраженного в них мира, поскольку эти тексты подчинены индивидуальным, конкретным задачам отдельных авторов и ограничены их личным опытом. При этом в авторских колыбельных отсутствует непосредственное обращение к младенцу [Бондаренко, 2015: 21-22]. Аргументируя свою точку зрения, В. Бондаренко приводит в качестве примера авторские колыбельные «Спят усталые игрушки...», «Спи моя радость усни» и ряд народных песен. Как отмечает автор, в традиционных колыбельных дается установка на весь дальнейший жизненный путь, предлагаются положительные поведенческие стереотипы, регламентирующие отношения внутри семьи, а труд изображается как знак принадлежности к миру взрослых. Всего этого нет в авторских колыбельных. Так, в колыбельной «Спят усталые игрушки...» отсутствует установка на значимые поведенческие ориентиры и коллективный опыт народа, но присутствует призыв к пассивному желанию получать все за счет любящих родителей [Бондаренко, 2015: 20-21].

На наш взгляд, выводы В. Бондаренко относительно авторских колыбельных не всегда подтверждаются. Например, большинство авторских песен, написанных поэтами гагаузского происхождения, содержат картину мира. В них довольно четко обозначены поведенческие стереотипы, нравственные установки, отношение к труду и даже коллективный опыт народа. Об этом свидетельствует исследование Д. Никогло и В. Сырфа «Гагаузская колыбельная песня: фольклорная и литературная традиции»

[Никогло, Сырф, 2010: 40-50], опубликованное в 2010 г. Авторы этой работы убедительно доказали, что источником вдохновения для поэтов гагаузского происхождения при написании песен послужили гагаузские народные колыбельные. Думается, что к положениям, высказанным В. Бондаренко, следует относиться с оговоркой и учитывать не только культурные факторы, но и исторические условия формирования той или иной этнической общности. Прежде всего, это касается такого явления как младописьменный характер языка, в частности гагаузского. Именно отсутствие у гагаузов собственной литературной письменной традиции обусловило глубоко народный характер художественной литературы гагаузов, опирающейся как на фольклор, так и на комплекс обычаев и обрядов календарного и семейного циклов, что, в конечном счете, определило специфику авторских колыбельных песен.

Аналізу романа Саши Соколова «Школа для дураков» посвящена статья В. Бражук из Бельцкого университета [Бражук, 2011: 262-264]. Роман «Школа для дураков», опубликованный в 1976 г. в США, представляет собой, по словам В. Казака, «наиболее сюрреалистическое произведение» [Казак, 1996: 392-393]. Все проблемы советского общества (репрессии, гонения на генетику, атеистическая пропаганда) в нем фантазмагорически осмысленны. Главным героем является ученик, страдающий от раздвоения личности, у которого совершенно особое, нелинейное восприятия времени.

В. Бражук, вслед за другими литературоведами, рассматривает, каким образом отражаются японские мотивы в данном произведении. По ее словам, «Школа для дураков» «построена как поток сознания подростка, страдающего раздвоением личности. В тексте размываются границы между иллюзией и действительностью ... Русские реалии переплетаются с японскими артефактами ... органично объединяются разные культуры, русское и японское мировидение» [Бражук, 2011: 262]. Персонажи данного романа – простые железнодорожники – наделяются японскими именами и фамилиями, зачитывают отрывки из книги Ясунари Кавабата, употребляют в своей речи некоторые японские слова, обозначающие явления природы, состояния души или некоторые философские категории. Церемония чаепития, которую устраивают главные герои, отнюдь не повторяет японский ритуал чаепития, однако, как отмечает В. Бражук, японское в данном случае проявляется в созерцании окружающей природы и использовании при этом японских слов [Бражук, 2011: 263]. Автор подчеркивает, что «Тема природы осмысливается героями и авторами в русском контексте: состояние одиночества, тоски, домашней неустроенности, описанием неважной погоды, дождя, подчеркивается обилие луж, протекающая крыша дома...» [Бражук, 2011: 263]. В. Бражук указывает на то, что в романе обнаруживаются новые смыслы: герои проникаются японским мироощущением и испытывают «сатори» не от созерцания белой хризантемы, а от соединения японского, (возвышенного): снег, луна, цветы с русским (повседневным): станция, работа, слякоть... Иными словами, как для японцев близка и понятна ветка сакуры, так и для русских железнодорожников понятны и близки ржавые рельсы [Бражук, 2011: 263-264].

Интересны размышления В. Бражук, касающиеся сочетания «японского» и «русского». Автор полагает, что соединение этих двух истин (русской и японской), трансформация русского в японское и японского в русское, объединение русской темы маленького человека с японской темой божественного во всем, поднимет обычного человека до вида Будды [Бражук, 2011: 264].

На наш взгляд, верным представляется вывод автора относительно того, что такой постмодернистский писатель, как Саша Соколов, объединил в сознании своего героя культуры Востока и Запада, философию античности, христианства и буддизма, смешивает время и пространство [Бражук, 2011: 264]. Показать такое «пародийное стремление к гармонии» [Бражук, 2011: 263] возможно только в постмодернистском романе.

Оригинальным является исследование Е. М. Филипповой «Особенности национального пейзажа в картинах И. И. Левитана и в лирике Н. М. Рубцова». Автор данной статьи анализирует интертекстуальные связи названий стихотворений Н. Рубцова с названиями пейзажей И. И. Левитана, выявляя общее и особенное. Обратим внимание на сопоставления Е. Филипповой: полотно Левитана «Над вечным покоем» и стихотворение Н. Рубцова «Над вечным покоем», Левитана «Вечерний звон», «Тихая обитель» и Рубцова «Тихая моя родина» [Филиппова, 2011: 457-464].

Автор данной работы не случайно поставила перед собой задачу сравнения произведений И. Левитана и Н. Рубцова, т. к. сам Рубцов находился под влиянием творчества известного русского художника-передвижника. Свое отношение к его полотнам поэт отразил в стихотворении «Левитан», написанном по мотивам картины «Вечерний звон», в котором подчеркнул, что картины Левитана побуждают его душу, как колокольный звон, раздавшийся внезапно среди тишины и покоя [Филиппова, 2011: 457]:

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!

Звон закольный и окольный,
У окон, около колонн, –
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.

И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

Сопоставляя произведения великих мастеров русского пейзажа, Е. М. Филиппова приходит к выводу о том, что пейзажи И. Левитана близки Н.

Рубцову, так как в них отражены те же чувства, которые испытывает сам поэт. Кроме того, автор подчеркивает, что в их произведениях отдельно взятые мотивы (религиозных исканий, другого берега, конца пути, утраты, храмов, изб, берез, облаков и др.) не существуют, но проявляют себя в комплексе, характеризуя особенности национального русского пейзажа [Филиппова, 2011: 464].

Интересны выводы автора рассматриваемой нами статьи относительно различий в прочтении полотна Левитана «Над вечным покоем» и стихотворения Рубцова «Над вечным покоем». Картины Левитана, по ее мнению, прочитываются многозначно, так как в них не только ставятся вопросы, но и предлагаются ответы на раздумья о смысле жизни, о жизни и смерти человека, о бессмертии, о беспредельной жизни [Филиппова, 2011: 463]. В стихотворении же Рубцова с одноименным названием проявляется противопоставлении двух миров: мира живых, которому принадлежит лирический герой, и мира мертвых, символом которого являются могильные кресты, кладбище. Позволим себе привести весь текст стихотворения:

Рукой раздвинув темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты,
Когда ушел в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те -
Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня пронесит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,

Где каждый смертный свято погребен
В такой же белой горестной рубашке...

Нам бы хотелось обратить внимание на тот подход, который применила в своем исследовании Е. М. Филиппова. На наш взгляд, это исследование носит литературоведческо-культурологический характер. Наряду с сугубо литературоведческим анализом стихотворений Рубцова, автор привлекает и элементы анализа произведений живописи, что позволяет говорить о наличии междисциплинарного аспекта, что подход позволяет выявить единство восприятия родного пейзажа у носителей культуры (в данном случае русской культуры), единство национального (русского) самосознания, обусловленного таким консолидирующим фактором, как религия (православие).

Невольно в памяти возникают произведения двух других русских мастеров: поэта Н. Некрасова «Мороз, Красный нос» и художника В. Перова «Проводы покойника». На полотне Перова запечатлена печальная процессия: на телеге с впряженной лошастью домочадцы (мать и двое детей) везут гроб с телом отца – кормильца семьи. Созвучен с этой картиной отрывок из поэмы Н. Некрасова:

Савраска увяз в половине сугроба,
Две пары промерзлых лаптей
Да угол, рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней...

Оба произведения вызывают неизбежное чувство печали от утраты родного человека и безысходность тяжелой крестьянской жизни, тяжелую долю вдовы и сирот, тем самым представляя не только типичную картину русской действительности XIX – начала XX вв., но и особенности «русской души», удел которой – глубокое страдание, жалость, скорбь и терпение.

В данном случае сложно сказать, кто на кого повлиял, т.к. поэма Н. Некрасова была написана в 1862–1863 гг., а картина Перова – в 1865 г. Вероятно, и Некрасов, и Перов мыслили в унисон, поскольку русская действительность пореформенного периода волновала обоих. Их обоих волновало тяжелое положение русского крестьянства, тема «униженных и оскорбленных». Многие критики полагают, что картина Перова «Старики родители на могиле сына» (1874) была написана на сюжет романа И. Тургенева «Отцы и дети».

Среди работ этнологов, исследующих проявление этничности в художественной литературе, нельзя не упомянуть труды М.Н. Губогло, посвященные изучению идентичности гагаузов. Это «Энергия памяти» (1992), «Именем языка» (2006), «Сполохи прошлого» (2013), «Антропология повседневности». Именно его публикации послужили ориентиром для молдавских исследователей [Никогло, 2020а] [Никогло, 2020b], перу которых принадлежат работы, написанные в междисциплинарном ключе – на стыке литературоведения и этнологии.

Интерес представляет диссертация этнолога О. Клишиной [Клишина, 2013]. Данная работа – серьезное методологическое исследование, задачей которого являлась разработка методологических принципов исследования литературного текста как историко-этнологического источника. В своем труде О. Клишина в большей степени концентрирует внимание на социальном аспекте.

«Этнический» колорит, отличающий героев художественных произведений, по мнению автора, «связан с конкретной исторической эпохой, условиями жизни и быта этноса, государства, социальным окружением, в котором находится персонаж. На персонаж художественной литературы воздействуют одновременно и этническая культура, и субкультура социальной среды, кроме того, во многих из них присутствуют и индивидуальные черты» [Клишина, 2013: 41].

Используя качественный анализ текстов произведений русских писателей, автор приходит к выводу о том, что при анализе художественного произведения как этнологического источника «можно получить, в общем, целостную модель описываемого общества» [Клишина, 2013: 41]. О. Клишина отмечает, что на примере творчества данных авторов становится ясно, что объектом прямых этнологических описаний для писателя-реалиста становятся не только действия, которые ощущаются пишущим как архаика (если он – представитель этой же культуры) или как экзотика (если среда иноэтнична), но и описание традиционного привычного быта, что придает особую ценность этому этнологическому источнику [Клишина, 2013: 41-42].

Таким образом, авторы рассмотренных работ предлагают разные подходы в исследовании этнической тематики, отраженной в художественной литературе. Ряд исследователей справедливо считает, что следует обратить внимание на использование писателями фольклорных мотивов, которые придают произведениям не только этнографическую и психологическую достоверность, но и раскрывают духовный мир героев. В других исследованиях представлено, каким образом мотивы, которые черпаются писателями из других культур, могут объяснить отношение поэтов к тем или иным историческим событиям в своей стране. Внимание уделяется также изучению этнических стереотипов, восприятия иного этнокультурного пространства, сочетанию анализа литературного текста и произведений живописи. Особый интерес вызывает работа этнолога О. Клишиной, в которой разработаны методологические принципы исследования литературного текста как историко-этнологического источника.

Список литературы

Ариас-Вахиль, 2015 – *Ариас-Вахиль* М. А. Испания серебряного века в постреволюционном пространстве (К. Бальмонт, А. Брюсов, Ф. Сологуб) / Материалы Конгресса МАПРЯЛ в 15 томах. Т. 14. Направление 13: Русская

литература в мировом литературном процессе. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. С. 43-48.

Бондаренко, 2015 – *Бондаренко В. В.* Межкультурный диалог поколений на примере колыбельных / Русский язык и литература в пространстве мировой культуры г. Гранада, Испания 13020 сентября 2015 г. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Т. 3. Направление 2: Русская культура в эпоху глобализации. Санкт-Петербург, 2015. С. 18-22.

Бражук, 2011 – *Бражук В.* Японские мотивы в романе Маши Соколова «Школа для дураков» / Русский язык и литература во времени и пространстве. Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Шанхай, 2011. С. 262-264.

Васильева, Васильев, 2015 – *Васильева И.В., Васильев Д.* Образы завоевателей и завоеванных (на примере произведений Н. Н. Казарина о завоевании русского Туркестана) / Материалы Конгресса МАПРЯЛ в 15 томах. Т. 14. Направление 13: Русская литература в мировом литературном процессе. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. С. 115-119.

Каджаева, 2015 – *Каджаева Н. Ш.* Батумские впечатления О. Мандельштама / Русский язык и литература в пространстве мировой культуры г. Гранада, Испания 13020 сентября 2015 г. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Т. 3. Направление 2: Русская культура в эпоху глобализации. Санкт-Петербург, 2015. С. 236-239.

Казак, 1996 – *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века = Lexikon der russischen Literatur ab 1917 / [пер. с нем.]. М.: РИК «Культура», 1996. XVIII, 491, [1] с.. 392-393. <http://books.e-heritage.ru/book/10082583>

Клишина, 2013 – *Клишина О.* Методология этнологического исследования художественных текстов (на примере творчества А. Н. Островского, Н. С. Лескова, А. П. Чехова). Автореф. Дисс... доктора исторических наук. М., 2013.

Никогло, 2020а – *Никогло Д.Е.* Этнические особенности и нравственные основы литературного процесса (опыт Республики Молдова). Часть I. / *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии) • №1 (11) 2020.

Никогло, 2020б – *Никогло Д.Е.* Этнические особенности и нравственные основы литературного процесса (опыт Республики Молдова). Часть II. / *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии) • №2 (12) 2020.

Никогло, Сырф, 2010 – *Никогло Д., Сырф В.* Гагаузская колыбельная песня: фольклорная и литературная традиции / *Revista de etnologie și culturologie. Chișinău*, 2010. С. 40-50.

Филиппова, 2011 – *Филиппова Е. М.* Особенности национального пейзажа в картинах И. И. Левинтана и в лирике Н. М. Рубцова / Русский язык и литература во времени и пространстве. Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Шанхай, 2011. С. 457-464.

Хидирова, 2007 – *Хидирова Э. С.* Песня Бэлы в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова: проникновение в мир этнодуховности / Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном

пространстве: современное состояние и перспективы» Гранада, 7-9 мая 2007. Доклады и сообщения. Том II, 2007. С. 1189-1194.

References

- Arias-Vahil', 2015 – *Arias-Vahil' M. A. Ispaniya serebryanogo veka v postrevolyucionnom prostranstve* (K. Bal'mont, A. Bryusov, F. Sologub) / *Materialy Kongressa MAPRYAL v 15 tomah. T. 14. Napravlenie 13: Russkaya literatura v mirovom literaturnom processe. Sankt-Peterburg: MAPRYAL, 2015. S. 43-48.*
- Bondarenko, 2015 – *Bondarenko V. V. Mezhkul'turnyj dialog pokolenij na primere kolybel'nyh / Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury g. Granada, Ispaniya 13020 sentyabrya 2015 g. Materialy XIII Kongressa MAPRYAL. T. 3. Napravlenie 2: Russkaya kul'tura v epohu globalizacii. Sankt-Peterburg, 2015. S. 18-22.*
- Brazhuk, 2011 – *Brazhuk V. YAponskie motivy v romane Mashi Sokolova «SHkola dlya durakov» / Russkij yazyk i literatura vo vremeni i prostranstve. Kongress mezhdunarodnoj associacii prepodavatelej russkogo yazyka i literatury. SHanhaj, 2011. S. 262-264.*
- Vasil'eva, Vasil'ev 2015 – *Vasil'eva I.V., Vasil'ev D. Obrazy zavoevatelej i zavoevannyh (na primere proizvedenij N. N. Kazarina o zavoevanii russkogo Turkestana) / Materialy Kongressa MAPRYAL v 15 tomah. T. 14. Napravlenie 13: Russkaya literatura v mirovom literaturnom processe. Sankt-Peterburg: MAPRYAL, 2015. S. 115-119.*
- Kadzhaeva, 2015 – *Kadzhaeva N. SH. Batumskie vpechatleniya O. Mandel'shtama / Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury g. Granada, Ispaniya 13020 sentyabrya 2015 g. Materialy XIII Kongressa MAPRYAL. T. 3. Napravlenie 2: Russkaya kul'tura v epohu globalizacii. Sankt-Peterburg, 2015. S. 236-239.*
- Kazak, 1996 – *Kazak V. Leksikon russkoj literatury XX veka = Lexikon der russischen Literatur ab 1917 / [per. s nem.]. M.: RIK «Kul'tura», 1996. XVIII, 491, [1] s.. 392-393. <http://books.e-heritage.ru/book/10082583>*
- Klishina, 2013 – *Klishina O. Metodologiya etnologicheskogo issledovaniya hudozhestvennyh tekstov (na primere tvorchestva A. N. Ostrovskogo, N. S. Leskova, A. P. CHEkhova). Avtoref. Diss... doktora istoricheskikh nauk. M., 2013.*
- Nikoglo, 2020a – *Nikoglo D.E. Etnicheskie osobennosti i нравstvennye osnovy literaturnogo processa (opyt Respubliki Moldova). CHast' I. / Abyss (Voprosy filosofii, politologii i social'noj antropologii) • №1 (11) 2020.*
- Nikoglo, 2020b – *Nikoglo D.E. Etnicheskie osobennosti i нравstvennye osnovy literaturnogo processa (opyt Respubliki Moldova). CHast' II. / Abyss (Voprosy filosofii, politologii i social'noj antropologii) • №2 (12) 2020.*
- Nikoglo, Syrf, 2010 – *Nikoglo D., Syrf V. Gagauzskaya kolybel'naya pesnya: fol'klornaya i literaturnaya tradicii / Revista de etnologie și culturologie. Chișinău, 2010. S. 40-50.*

Filippova, 2011 – *Filippova* E. M. Osobennosti nacional'nogo pejzazha v kartinah I. I. Levintana i v lirike N. M. Rubcova / Russkij yazyk i literatura vo vremeni i prostranstve. Kongress mezhdunarodnoj associacii prepodavatelej russkogo yazyka i literatury. SHanhaj, 2011. S. 457-464.

Hidirova, 2007 – *Hidirova* E. S. Pesnya Bely v «Geroe nashego vremeni» M. YU. Lermontova: proniknovenie v mir etnoduhovnosti / Mezhdunarodnaya konferenciya «Russkij yazyk i literatura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sovremennoe sostoyanie i perspektivy» Granada, 7-9 maya 2007. Doklady i soobshcheniya. Tom II, 2007. S. 1189-1194.